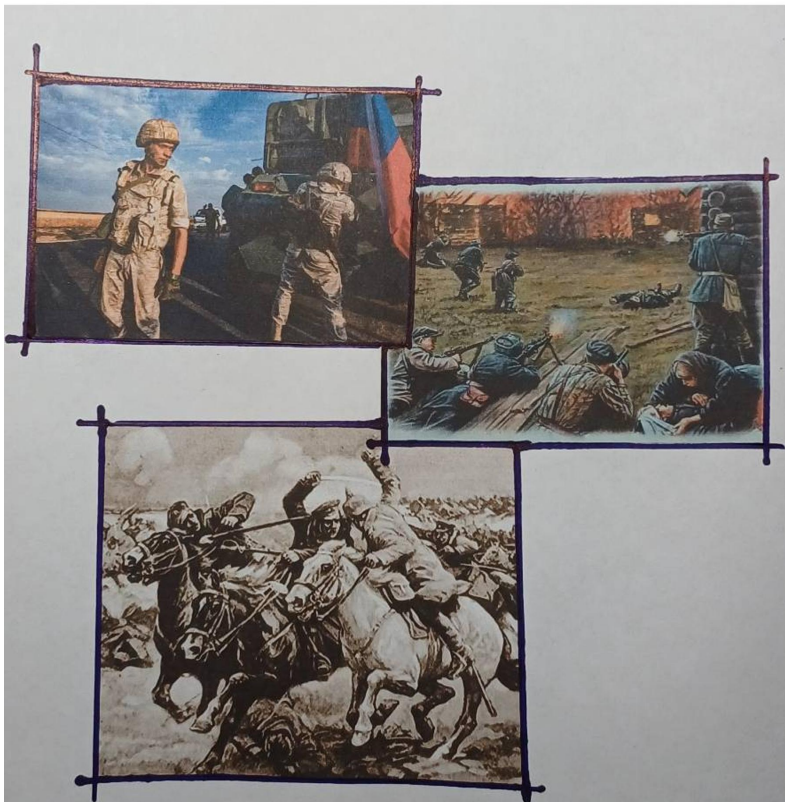

Вне поля боя

Святослав Яров

Святослав Яров

Вне поля боя

<https://litres.ru/74690739>

SelfPub; 2026

Аннотация

Три молодых человека. Три офицера разных эпох. Первый - штабс-ротмистр лейб-гвардии конного полка, участник Первой мировой, свидетель февральского переворота 1917 года в Петрограде. Второй - советский лейтенант-артиллерист, накануне Великой отечественной окончивший училище и принявший свой первый бой под Вильнюсом 24 июня 1941-го. Позднее, оказавшись на оккупированной территории, он вынужден был примкнуть к белорусским партизанам. Третий - наш современник, капитан-разведчик, воевавший в Сирии и комиссованный после тяжелого ранения. Все они честно исполняли свой долг, участвуя в войнах, отстоящих друг от друга на многие десятилетия. Неожиданно для самих себя эти трое одновременно оказываются в некоем месте, напоминающем райские кущи...

Вне поля боя

Штабс-ротмистр

Канули в Лету времена, когда Белосельские-Белозерские — один из именитейших и богатейших родов империи — могли вести беззаботное существование, ни в чём себе не отказывая. К концу девятнадцатого столетия финансовые дела княжеской семьи пришли в полное расстройство. Обширные земли и заводы в Уральской области отошли банкам в погашение кредитов, а за долги перед государством пришлось рассчитаться с казной помпезным дворцом на Невском проспекте. По тем же причинам Крестовский остров, более века принадлежавший Белосельским-Белозерским, почти целиком перешёл в собственность Санкт-Петербурга. У них же остался там лишь небольшой дворец с прилегающим парком. Если раньше это творение яркого представителя первого поколения архитекторов-эклектиков Штанкеншнейдера использовалось как летняя резиденция, то теперь стало местом их постоянного обитания.

Однако назвать бывшую княжескую дачу скромным жилищем, едва ли у кого язык повернулся бы. Двухэтажный особняк в стиле необарокко был буквально пропитан роскошью. Вычурные кованые перила лестниц и балконов можно было смело причислить к образцам высокого искусства. Фасад украшали кариатиды. На фронтоне располагался вы-

полненный в мраморе барельеф герба Белосельских-Белозерских, который поддерживали с двух сторон крылатые путти. Утончённые внутренние интерьеры ничуть не уступали внешнему декоративному великолепию: массивные чеканной работы люстры, изящная лепнина на потолках, мебель из красного дерева и прочие изыски в том же роде. Пройдя через малую гостиную, можно было попасть на крытую веранду, где господствовали пальмы и азалии. Необходимую для тропических растений температуру по мере необходимости поддерживал небольшой камин. Истинное чудо — снаружи хозяйничает зима, а здесь, под широкими веерами пальм, было тепло и пахло далёким югом.

У одного из окон оранжереи стоял молодой человек в полевой форме. На вид чуть за двадцать, однако на плечах его красовались погоны штабс-ротмистра, что говорило о несомненных воинских заслугах. Левая рука, покоящаяся на перевязи, красноречиво свидетельствовала о том, что офицер не так давно побывал в серьёзной переделке и, по всему судя, несмотря на невеликие года, пороху успел понюхать достаточно. Он стоял у окна и, как могло показаться, наблюдал за стайкой барышень, что катались на коньках, выписывая замысловатые узоры на льду хорошо видной отсюда Малой Невки. В действительности же — и отрешённо-задумчивое выражение лица молодого человека было тому порукой — отнюдь не созерцание сей беззаботной картины занимало его мысли.

Сергей Сергеевич Белосельский-Белозерский — а это был не кто иной, как он, — в 1914 году окончил Пажеский Его Императорского Величества корпус с производством в чин корнета лейб-гвардии конного полка. Сразу вслед за тем грянула война, и уже третьего августа отпрыск славного рода отбыл в действующую армию. При желании ему, представителю высшей аристократии, не составило бы труда без ущерба для репутации избежать личного участия в боевых действиях, оставшись, к примеру, служить при Главном штабе. Но не таков был девятнадцатилетний князь, горевший сердцем вступить за честь отечества, чтобы гордо — непременно гордо! — погибнуть за родину. Что поделать, юность подвержена жертвенно-романтическим настроениям, и в этом он не отличался от прочих молодых корнетов своего круга, рвущихся в бой. Впрочем, грязь, кровь и смерть — неизбежные спутники любой войны — быстро привели его и ему подобных восторженных юнцов в чувство, раз и навсегда объяснив, что есть война, и отбив охоту к никчемному позёрству.

Не исключено, что именно избавление от ненужных иллюзий позволило молодому князю доказать, что он достоин памяти предков, в прошлом не раз отличившихся в ратном деле. Воевал Сергей героически-самозабвенно. Лучшее подтверждение тому — скорое продвижение по службе. В январе семнадцатого, в неполные двадцать два года, став штабс-ротмистром, он уже командовал вторым дивизионом полка. И вот ведь игра случая — едва успел недавний поручик при-

мерить новые погоны, как в тот же день в стычке с германским разъездом был серьёзно ранен. Уланская пика пронзила ему левое плечо, в результате чего новоиспечённому ротмистру почти месяц пришлось провести на госпитальной койке. Но нет худа без добра. Подлечившись, он получил месячный отпуск по ранению и уже вторую неделю находился в кругу семьи в Петрограде, как теперь из патриотических соображений, согласно императорскому указу, стали именовать Санкт-Петербург.

Следует заметить, что сразу по приезде радость встречи с близкими была несколько омрачена. Речь, конечно же, не о том, что Северная Пальмира встретила отпускника пронзительным ветром с Невы, серостью и гололёдом. Коренному петербуржцу мерзкая погода не в диковинку. Неприятно поразили его царившие в столице настроения. Буквально на каждом шагу он сталкивался с переменами, не заметить которые мог разве что слепой. Если прошлый его приезд на побывку ознаменовался успешным Луцким прорывом, когда Петроград был охвачен ликованием в честь блистательной победы Брусилова на Юго-Западном фронте, то теперь столица напоминала бурлящий котёл всеобщего негодования. Захлестнувшие город антиправительственные и антивоенные демонстрации сменяли одна другую. Множество людей стекалось на митинги, на которых пламенные призывы к свержению монархии вызывали горячее одобрение толпы.

Чего уж греха таить, и на фронте имели место проявления недовольства. Однако виной их молодой князь полагал отнюдь не политику, а вещи более приземлённые: накопившаяся усталость от затянувшейся войны, тяготы фронтовой жизни и тоску по семьям, от которых люди который уже год были оторваны. Ему не раз доводилось быть свидетелем того, как нижние чины костерили почём зря — и, надо признать, небезосновательно, — ворьё-интендантов и прочую тыловую сволочь, жиревшую на поставках провианта и обмундирования, в то время как они, серая скотинка, проливали кровь в боях, безропотно исполняя свой долг перед отечеством. Порой даже боевые офицеры, ввиду отсутствия видимых военных успехов, позволяли себе рассуждения об извечной неготовности России к войне и бездарности генералов, за исключением единственно Брусилова, не способных к решительным действиям. Случалось, проскальзывали и критические замечания в адрес государя, что де не стоило тому принимать на себя обязанности Верховного главнокомандующего, что в этом качестве он оказался не на высоте и прочее. Но вышеперечисленным, по мнению Сергея, брожение умов в армейской среде и ограничивалось.

Только теперь, попав в Петроград, он осознал, сколь сильно заблуждался на сей счёт, потому как среди митингующих горожан во множестве присутствовали вооружённые солдаты гарнизона. Немало было и офицеров. И те, и другие одобрительно внимали речам ораторов, нимало не смущаясь со-

седством с транспарантами, на которых выведены были лозунги «Штыки в землю!» или «Долой самодержавие!». Складывалось впечатление, что на императора ополчились все и вся. Не остались в стороне и газетчики, усердно подливавшие масла в огонь. Без малейшего стеснения в выборе выражений они наперебой открыто винули государя во всех смертных грехах, начиная с военной безграмотности и кончая алкоголизмом. Императрицу, немку по происхождению, обвиняли в шпионаже и разврате с Распутиным. Даже не верилось, что эти гнусные сплетни публиковали те же самые газеты, которые ещё недавно восторженно трубили о неразрывном единении царя с народом и народа с царём. Казалось, всё общество единодушно в странном исступлении травило государя, почему-то уверившись, что стоит свергнуть самодержца, и тотчас же всё чудесным образом наладится само собой.

Что за чудовищная нелепость! — внутренне возмущался Сергей. Как ярому монархисту, ему претили любые разглагольствования о необходимости устранения императора от власти. Но даже если оставить в стороне верноподданические чувства и судить о сложившемся положении вещей, опираясь лишь на здравый смысл, возникал неизбежный вопрос: а что собственно изменится к лучшему если уберут с политической арены Николая II? Ответ напрашивался неутешительный: ничего. Потому как из войны Россия в одночасье не выберется, и всеобщее изобилие вот так вдруг, ни с

того ни с сего, не наступит. Для любого трезвомыслящего человека это было очевидно, однако в смутные времена бал правит чернь. Что для неё доводы рассудка в сравнении с неистребимой надеждой на авось или чудо?! Главное царя спихнуть, а там уж как-нибудь. А война? Выйдет в чисто поле супротив вражьей рати добрый молодец с дубиною, направо махнёт — улица, налево — переулочек. Глядишь, и одолеет супротивников. Ну а накормит-напоит всех, разумеется, скатерть-самобранка — чего ж проще! Только где они, тот молодец удалой и та скатёрка волшебная?

И надо же было штабс-ротмистру Белосельскому-Белозерскому оказаться в столице в самый разгар событий, последствия коих стали ужасающим потрясением для России. Буквально на следующий день после его приезда разразился самый настоящий хлебный бунт. То ли и впрямь возникли перебои с поставками хлеба, то ли кто-то умышленно распускал об этом слухи и всячески их подогревал, но призрак надвигающегося на Петроград голода породил панику. Сперва на рабочих окраинах, а потом уже и повсеместно началось разграбление булочных и магазинов. Встали фабрики и заводы. Многотысячные толпы заполнили улицы. К привычным уже лозунгам «Долой войну!» и «Долой самодержавие!» прибавился ещё один «Хлеба!».

Дальнейшее плохо поддавалось осмыслению. Император потребовал от командующего петроградским округом генерал Хабалова усмирить город. Пытаясь восстановить поряд-

док, войска открыли огонь по демонстрантам. В ответ на расстрел, протестующие принялись громить полицейские участки. На улицах появились баррикады. Вспыхнул мятеж в столичном гарнизоне — солдаты открыли огонь по полиции и по собственным офицерам... Последним актом разыгравшейся трагедии стало отречение Николая в пользу младшего брата Михаила. Далее последовал поспешный отказ последнего от восприятия верховной власти, и та перешла в руки спешно сформированного Временного правительства.

Поразительно, но в считанные дни трёхсотлетняя династия Романовых пала почти без сопротивления. Всё полетело в тартарары. Той России, которую Сергей ощущал душой, любил всем сердцем и, как ему казалось, понимал, вдруг не стало. Осознание утраты породило чувство обречённости. С детства ему запали в память слова одного из преподавателей о том, что для устойчивости какой бы то ни было конструкции необходимо не менее трёх точек опоры. Девиз «За Веру, Царя и Отечество», коему князь с молодых ногтей неукоснительно следовал, был как нельзя более сопоставим с означенным правилом. И если веры человека лишить не в силах никто, отечество — также есть скорее состояние души, нежели что-то материальное, то царя, ради которого Сергей и ему подобные на фронте не щадили живота своего, теперь нет. Стало быть, одной точки опоры молодой князь уже лишился, и окончательное обрушение его мировосприятия стало лишь вопросом времени. Не то чтобы он совсем впал

в отчаяние, просто растерялся и по понятным причинам чуть ли не ежечасно терзался вопросом: что дальше? Увы, пытаюсь предугадать хотя бы смутные очертания грядущего, ничего кроме пугающей безысходности он впереди не видел.

В немалой степени этому поспособствовало сегодняшнее утреннее происшествие, непосредственным участником которого ему довелось стать. Крестовский — пристанище яхтсменов и состоятельных дачников — находился как бы в Петрограде, но одновременно вне его. Основные события развивались в центре столицы и обитателей острова не затрагивали, но разве можно сидеть в четырёх стенах, когда вокруг творится такое? Невзирая на тревожную и порой даже опасную обстановку, Сергей нет-нет да выбирался в город под разными благовидными предлогами, как-то: встретиться с приятелем или нанести визит престарелой дальней родственнице. На деле же он жаждал быть в курсе событий и наблюдать происходящее собственными глазами, а не питаться слухами.

Вот и нынче молодой человек не смог усидеть дома и отправился в город. Денёк выдался морозный и на удивление солнечный. Невский был полон празднующегося народа. В глазах рябило от красных бантов, которые многие, по видимому в знак сопричастности к свержению ненавистного царизма, навесили себе на грудь. Кое-где отголосками недавних событий шумели ещё митинги, правда, не столь уже многолюдные, как несколькими днями ранее. Под приветствен-

ные возгласы зевак и звуки «Марсельезы» по проспекту продефилировал гарнизонный батальон в сопровождении военного оркестра. Словом, несмотря на будний день, здесь царило всеобщее приподнятое настроение. Эту послереволюционную эйфорию можно было сравнить разве что с восторгом, охватившим класс гимназистов, сбежавших с уроков. Главное, удалось улизнуть, а там будь, что будет.

Дабы погасить нарастающее раздражение, он свернул на совсем почти безлюдную Казанскую и пошёл в сторону Гороховой, погружённый в, прямо сказать, невесёлые мысли по поводу происходящего. Из задумчивости его вывели неясный шум и сдавленный женский вскрик, долетевшие из ближайшего проулка. Не раздумывая, Сергей поспешил туда и стал свидетелем безобразной сцены: двое молодчиков разбойного вида грабили молодую девушку. Один, что постарше и покрупнее, зажимал ей рот рукой, угрожая финским ножом. Другой, щуплый, был много моложе. Этот рылся в отобранной у жертвы сумочке.

— Эй, вы там! — громко окликнул их Сергей. — А ну-ка, оставьте её в покое!

Грабители оглянулись на голос. Завидев внезапно появившегося в подворотне офицера, худосочный растерялся и, похоже, струхнул, потому что перестал шарить в сумочке и испуганным взглядом уставился Сергея. Тот, что с ножом, наверняка бывалый уголовник, отреагировал иначе.

— Шёл бы ты своей дорогой, ваше благородие! — нахаль-

но посоветовал он, видимо понадеявшись взять незваного заступника на арапа. — А то, неровён час, на перо наскочишь!

При этом громила демонстративно скосил взгляд на «финку» в своей руке. Поняв, что одними словами тут не обойдёшься, и дабы не тратить время на пустую болтовню, Сергей решительно вытащил из кобуры наган и выстрелил в стену поверх головы бандита. Грохот выстрела гулким эхом отозвался в пустоте прохода. Неоперившийся налётчик выронил дамскую сумочку, и его в момент как ветром сдуло — только пятки засверкали. Старший побелел лицом, однако с места не сдвинулся.

— Следующую пулю вгоню тебе между глаз! — с ледяным спокойствием в голосе пообещал Сергей. — Брось нож и убирайся!

Уверовав, наконец, что так всё и будет, бандит отпустил девушку и швырнул нож на землю. После чего, пятясь и злобно посверкивая глазами в сторону Сергея, удалился. В общем, для до смерти перепуганной девушки всё, слава богу, закончилось благополучно. Сергей поднял с земли и вернул бедняжке её сумочку, успокоил, как мог, и проводил до многолюдного Невского проспекта, где та могла чувствовать себя в относительной безопасности. Хотя, о какой безопасности может идти речь, когда в двух шагах от главной улицы столицы едва не ограбили человека, а на стрельбу, почитай, в самом центре города никто даже и внимания-то не обратил.

Ну конечно! До того ли, когда всё ликует по поводу избавления России-матушки от царя-батюшки! На душе стало ещё горше. Россия в её теперешнем состоянии представилась вдруг Сергею такой вот беспомощной барышней, а краснобантная публика, запленившая Невский, — бандитами из подворотни, один бог ведает, что способными с нею сделать: ограбить, изнасиловать, уничтожить. И вовсе не обязательно, что в нужный момент поблизости окажется кто-то, кто сумеет своевременно пресечь бесчинство. Разумеется, это всего лишь аллегория, но в его представлении будущее страны рисовалось не иначе как в мрачных тонах...

Только теперь, стоя у окна в оранжерее, Сергей сообразил, что за всеми этими скорбными рассуждениями о судьбах отечества совершенно позабыл кое-то сделать. Война приучила его, фронтовика, каждодневно рискующего жизнью, содержать оружие в исправном состоянии, чтобы в бою не подвело, и коли уж сегодня пришлось вынужденно им воспользоваться, то следовало озаботиться чисткой и смазкой. Собственно говоря, этим он и собирался заняться сразу же по возвращении домой. Более того, сняв портупею и шинель, переложил наган из кобуры в карман форменных брюк, чтобы, придя в свою комнату, обиходить его должным образом. Однако намерение своё он до сих пор так и не исполнил, хоть, день уже начал клониться к вечеру. То одно отвлекало, то другое, словом, запамятовал. А между тем револьвер по-прежнему оттягивал карман галифе.

Почти машинально молодой человек вынул его, и в этот самый момент сзади чуть слышно скрипнула отворяемая дверь. Сергей обернулся. На пороге стоял отец. Несмотря на отнюдь не субтильное телосложение, Сергей Константинович — они с сыном были тётками — обладал неслышной, поистине кошачьей, лёгкой поступью, так что его внезапное появление в том или ином помещении частенько становилось для домочадцев неожиданностью. Наверняка приход отца и теперь остался бы незамеченным, не выдай его несмазанная своевременно дверная петля. Сейчас в облике Сергея Константиновича ничто не напоминало командующего Кавказской кавалерийской дивизией — в домашней обстановке он предпочитал генеральской форме бархатный халат. Если что-то и выдавало его принадлежность к военной касте, так это — гусарские усы, как любила пошутить его супруга.

Преглупейшее, однако, положение, подумалось Сергею Сергеевичу. Перед обедом они с отцом имели обстоятельный разговор о событиях минувшей недели, до основания потрясших устои империи. Как и следовало ожидать, беседа обернулась банальным выплеском эмоций. Молодой князь был возбуждён до крайности, не скрывал, что находится в состоянии потерянности после так называемой революции, завершившейся отречением государя и превратившей Россию в лодку без руля и без ветрил, которую несёт невесть куда, и сетовал, что в дальнейшем не ждёт ничего доброго. Сергей же Константинович, который и сам не мог пока дать объек-

тивной оценки произошедшему, ограничился ни к чему не обязывающим советом сохранять в сложившихся условиях спокойствие и здравомыслие. И вот теперь — извольте полюбоваться! — отец застаёт сына в одном из самых укромных уголков дворца с револьвером в руке. Да он же бог весть что вообразит! Чего доброго, решит, что я в приступе отчаяния стреляться собрался, рассудил штабс-ротмистр.

Сергей Константинович именно так и подумал. Рассуждения его были просты. Сын — твёрдый монархист, патриот и человек долга, — в одночасье лишился того, что на протяжении всей его, сказать прямо, не столь долгой жизни, служило ему, как это не пафосно прозвучит, путеводной нитью, и оказался в тупике. А в подобной ситуации ощущение безысходности и юношеский максимализм вполне могли подтолкнуть Сергея к тому, чтобы свести счёты с жизнью. Устраивать цирк из самоубийства в его намерения не входило, по-сему, сочтя, что лишение себя жизни — дело глубоко интимное, он пришёл в оранжерею, куда редко кто заглядывал и... Воображение живо дорисовало, очевидцем какой драмы довелось бы стать Сергею Константиновичу, войди он минутой позже.

Однако ему хватило самообладания, воздержаться от резких окриков и душеспасительных наставлений.

— Коли уж ты отца ни в грош не ставишь, так хотя бы пощади матушкины нервы! — не без иронии заметил он. — Представляю, каково ей будет лицезреть твой хладный труп

здесь, среди её любимых азалий.

Сергей Константинович разумеется не был уверен, что своим язвительным тоном не усугубит ситуацию, лишь спровоцировав сына на решительные действия. Разумеется, такой риск существовал. Но в определённом смысле подобное циничное поведение было оправдано — на его памяти сарказм многим помогал вновь обрести душевное равновесие.

Понимая, что надо каким-то образом выпутываться из неловкой ситуации, Сергей положил наган на каминную полку и попытался объяснить:

— Но, папа...

Однако Сергей Константинович жестом остановил его. Первым делом он стремительно приблизился к камину и завладел оружием, лишив тем самым, как ему думалось, сына возможности осуществить задуманное, и только после этого дал волю отцовским чувствам и разразился гневной, высокопарной тирадой:

— Изволь взять себя в руки! Осмелюсь напомнить, ты — офицер, а не институтка! Экзальтированным барышням простительно, чуть что травиться стрихнином, тебе же следует держать себя в руках! Не с Романовых Россия пошла, не ими и закончится, а твой долг — отчизну защищать в годину бедствий! Ежели стосковался по стрельбе, возвращайся на фронт. Глядишь под германскими пулями дурные мысли и повыветрятся. А нет, так там по крайности никто тебе не помешает пустить себе пулю в лоб...

— Ты превратно всё истолковал! — перебил родителя Сергей и в подробностях поведал об утреннем инциденте, попутно объяснив, как вышло такое, что отец застал его в оранжерее с револьвером наголо.

Настал черёд Сергея Константиновича испытать неловкость.

— А я было решил... — смущённо пробормотал он.

— И совершенно напрасно, — уверил его сын. — Но в одном ты прав — моё место на фронте. Посему, уведомляю тебя, что завтра же я отбываю в полк.

— Но у тебя же ещё две недели отпуска, — напомнил отец, в недоумении глядя на него. — Да и плечо...

— Рана меня уже почти не тревожит, — возразил на это Сергей. — Попусту же киснуть в столице, беспрестанно гадая куда катится Россия, у меня нет ни малейшего желания. На передовой всё много проще... Ну а здесь, пусть всё идёт так, как идёт.

Сергей Константинович понимающе покивал.

— Пожалуй для тебя это — самое разумное решение, — одобрил он намерение сына: — Только прошу тебя, маме не говори, бога ради, что по своей охоте уезжаешь. Скажи, поступил приказ срочно вернуться в часть. Словом, придумай что-нибудь.

— Разумеется.

В 1915-м Сморгонь — маленький, неприметный бело-

русский городок — приобрёл вдруг всероссийскую известность. Тот год стал для России годом военных неудач, как политично писалось в газетах. Применение столь обтекаемого определения несомненно имело целью пощадить национальную гордость великороссов. Куда менее щепетильные непосредственные участники боевых действий без околичностей называли произошедшее военной катастрофой, о чём газетчики по понятным причинам предпочитали умалчивать. Неудобная правда состояла в том, что русская армия потерпела на фронте ряд сокрушительных поражений, понесла чудовищные потери и под напором рейхсхеера* оставила Польшу и Литву. Причин тому было множество, начиная с бездарности военачальников и заканчивая отвратительно организованным снабжением. Но, как бы то ни было, а наступление немцев продлилось всё лето и выдохлось лишь осенью.

Так уж вышло, что к сентябрю линия фронта пролегла через Сморгонь и с тех пор не двигалась, хотя, и русские, и немцы неоднократно предпринимали попытки изменить статус-кво. Бои здесь шли страшные. Снарядов и патронов противники не жалели. Счёт убитых и раненых с обеих сторон шёл на тысячи. В русской армии даже гуляла поговорка: кто под Сморгонью не бывал, тот войны не видал. Однако всё было тщетно — заметного успеха не удалось добиться никому. По мере истощения людских ресурсов и боеприпасов, интенсивность боёв постепенно сошла на нет. Противники

перешли к так называемой позиционной войне. И очень скоро по обе стороны разделявшей их условной линии возникли лабиринты траншей и ряды проволочных заграждений.

Военные корреспонденты окрестили Сморгонь «мёртвым городом», что полностью соответствовало истине. Спасаясь от войны, жители все до единого покинули свои дома, а сам городок, полностью разрушенный огнём артиллерии, превратился в руины. Прославилась, если конечно можно так выразиться, Сморгонь ещё и тем, что на этом участке фронта германцы неоднократно и весьма результативно применяли химическое оружие — жертвами газовых атак стало немало русских солдат и офицеров.

Летом семнадцатого, в преддверии грядущего наступления на Вильно, сюда, в окрестности стёртого с лица земли городка, перебросили лейб-гвардейский конный полк. И, стало быть, здесь штабс-ротмистру Белосельскому-Белозерскому предстояло по мере сил принять участие в освобождении занятой врагом территории бывшей Российской империи, а ныне Российской республики. Последнее словосочетание неизменно вызывало у Сергея приступ изжоги. Утешало одно — драться он намеревался не за кучку проходимцев, захвативших власть в стране, а за родину, которая, как ты её ни обзови, всё равно таковой для него оставалась.

Чтобы не мозолить глаза неприятелю, конногвардейцы стали лагерем у деревни Колпея, верстах в трёх от линии фронта, и уже на следующий день Сергей по поручению ко-

мандира полка отправился на рекогносцировку. Имея при себе несколько крупномасштабных карт, он в сопровождении денщика излазил занятые русской пехотой траншеи на участке передовой, где вскоре, согласно планам

*Рейхсхеер — официальное название сухопутных войск Германской империи.

Главного штаба, предстояло наступать кавалерии. Штабс-ротмистр тщательнейшим образом изучил в бинокль линию обороны немцев, с неудовольствием выяснил, что за время окопного сидения, она обросла значительным количеством бетонных укреплений, которые на предоставленных ему картах отмечены не были. Помимо того, выявилось немало чисто топографических несоответствий. Считай, весь день ушёл на то, чтобы нанести на карты выявленные изменения, так что в расположение полка он возвратился в сумерках. И как был — в окопной грязи, усталый и голодный, — ввалился с докладом в штабную палатку.

Командир полка полковник Старосельский, узрев своего офицера в столь неприглядном виде, совсем не обидно проводил его со словами:

— Идите-ка сперва поужинайте, приведите себя в порядок, а потом уж доложите. Карты оставьте! — велел он, намётанным взглядом сразу заметив, что те испещрены множеством значков и пометок. — Жду вас через час.

Всеволод Дмитриевич Старосельский вступил в свою ны-

нешнюю должность совсем недавно, лишь в конце апреля, и с первых же дней дал понять подчинённым, что командир он требовательный и во всём, что касается службы, за неисполнительность спуска не даст. В то же время смог расположить к себе всех без исключения офицеров полка. Это не было заигрыванием, просто опытный служака умел ладить с людьми, и получалось у него это естественно и непринуждённо. Что касается командира второго дивизиона, ему полковник благоволил особо — Сергей ходил у него в любимчиках. Трудно доподлинно сказать, чем было вызвано подобное отношение. Поговаривали, будто молодой князь Белосельский-Белозерский имеет внешнее сходство с сыном Всеволода Дмитриевича, который воюет на Кавказском фронте. Отсюда, якобы и столь отеческое отношение. Но это не точно. Полковые же острословы, не мудрствуя лукаво, обыграли созвучность фамилий, дескать, один бело-, другой старо-, но оба сельские. Считай, родня...

Через час полковник и штабс-ротмистр стояли, склонившись над походным столом, устеленным картами. Никого кроме них в штабной палатке больше не было.

— Осмелюсь доложить, ваше превосходительство... — начал было Сергей, но командир полка его прервал.

— Сергей Сергеич, голубчик, оставьте вы эту церемонность! — Поморщился Старосельский, предложив: — Излагайте кратко и по существу!

— Слушаюсь, — охотно согласился ротмистр и начал пе-

речислять по порядку: — Перво-наперво карты наши никуда не годятся. Я вот тут пометил... — Он принялся пояснять, указывая конкретные места на топографических листах. — Здесь, как видите, речушка, а её и в помине нет... Тут якобы ровное поле, в действительности же — овраг... Контуры лесного массива смещены более чем на полверсты...

— Нашли чему удивляться! — Фыркнул в пышные усы полковник и ткнул пальцем в левый нижний угол одного из листов, где имелась выполненная мелким шрифтом надпись, на которую Сергей прежде внимания не обратил: — Год издания 1898-й. За полтора десятка лет ещё и не такие перемены на местности могут произойти.

— Я полагал, что для нужд армии используются самые современные карты, — в порядке слабого оправдания собственной невнимательности смущённо буркнул князь. — Насколько мне известно, они подлежат периодическому обновлению.

— Подлежат-то подлежат, да только никто этим своевременно не озаботился... — усмехнулся полковник и наставительно изрёк: — У нас вечно так: как на охоту ехать, так и собак кормить. Придётся пользоваться тем, что имеем. Помеченные вами огрехи примем во внимание. Докладывайте далее!

— Немцы зарылись в землю по самую макушку — едва кончики пикельхеймов* видны, — невесело сообщил штабс-ротмистр. — Две линии траншей полного профиля. Разветв-

лённая сеть ходов сообщения. Пять рядов проволочных заграждений. Здесь... здесь... здесь... и вот здесь — указующий карандаш в его руке последовательно перемещался от одного значка, нанесённого этой самой рукой на карту, к следующему, — бетонные сооружения наподобие казематов. Надо полагать, там оборудованы пулемётные гнёзда, — закончил доклад Сергей.

— И что думаете? — вопросительно воззрился на него Старосельский.

— О чём, господин полковник? — несколько опешил молодой офицер.

— О предстоящем наступлении на данном участке, — уточнил вопрос полковник.

Конечно же, после сегодняшней рекогносцировки у Сергея сложилось собственное суждение на сей счёт, однако военная служба приучила к тому, что его дело — исполнять приказы, но никак не высказывать начальству своё мнение о чём бы то ни было. Неудивительно, что он был озадачен подобным предложением.

— Могу я высказаться прямо? — спросил князь, пребывая в сомнении, стоит ли пускаться в откровения.

— Разумеется, — благосклонно кивнул Старосельский.

— Что ж, извольте, Всеволод Дмитрич... — раздумчиво произнёс штабс-ротмистр, впервые за время разговора обратившись к полковнику по имени и отчеству. — Для начала, я решительно не понимаю, зачем мы здесь?

На лице полковника обозначилась заинтересованность.

*Пикельхейм — кожаный или металлический шлем с декоративным навершием, напоминающим наконечник пики.

— Белоруссия не Галиция, — продолжил излагать своё мнение молодой офицер: — Местность болотисто-лесистая, труднопроходимая. Дорог мало. Пространства для манёвра того меньше. В таких условиях мобильность, как одно из основных преимуществ кавалерии, полностью сводится на нет. Перед нами открытый участок, однако мы имеем против себя отлично укреплённые неприятельские позиции. Возможностей для обхода противника и удара во фланг я не вижу. Лобовые же атаки в конном строю — безумие. Положим людей и лошадей без пользы и смысла. Поэтому я и спрашиваю, зачем мы здесь? — закончил Белосельский-Белозерский и одарил начальника пытливым взглядом, дескать, может, вы объясните.

Видно, Старосельский и сам не раз задавался тем же вопросом и ответа не находил, потому что не придумал ничего лучшего, чем сослаться на директиву Главного штаба:

— Предполагается бросить конницу в прорыв для развития наступления, — стараясь придать голосу уверенность, произнёс командир полка, — после того, как фронт противника будет прорван пехотой при поддержке артиллерии.

Повисла пауза. Первым нарушил молчание Сергей:

— Я целый день провёл в передовой траншее, — как бы

между делом напомнил он, — и пришёл к неутешительному выводу: боеспособность нашей пехоты чрезвычайно низка. Дисциплины никакой. Офицеры заискивают перед нижними чинами. Многие солдаты пьяны. А ещё... Теперь ведь идти или не идти в бой, решает только солдатский комитет.

Полковник досадливо поморщился.

— Понимаю вас. После февральских событий с армией творится неладное.

Это было ещё мягко сказано. Когда в первых числах марта Сергей решил прервать отпуск и вернуться в полк, в глубине души он ещё надеялся, что войска на фронте, во всяком случае, значительная их часть, останутся верны присяге и долгу. Куда там! Воистину армия — плоть от плоти народа. Солдат, ведь, он кто? В подавляющем большинстве — бывший крестьянин, которому война уже давно поперёк горла. Осточертело ему в окопах вшей кормить, когда в деревне убогое его хозяйство на ладан дышит, а жена и ребятишки с хлеба на квас перебиваются. А тут подвернулся прекрасный повод — те самые упомянутые Старосельским февральские события. Коли уж царя скинуть позволительно, стало быть, и война по боку. И началось! По некоторым данным за два неполных послереволюционных месяца из действующей армии дезертировал каждый десятый, а те, что, остались теперь подчинялись не приказам командиров, а решениям возникших повсеместно солдатских комитетов.

— Боюсь, Всеволод Дмитрич, что на сегодняшний день

у России армии в привычном понимании больше нет, — с мрачной обречённостью резюмировал князь. — А есть лишь плохо управляемая масса вооружённых людей, которая вряд ли по чьему бы то ни было приказу пойдёт в наступление.

— Трудно спорить, — неохотно согласился с ним полковник, заметив: — Слава богу, что разложение пока не коснулось гвардии.

Что правда, то правда, и данное обстоятельство не могло не радовать. Моральный дух и боеспособность гвардейских частей по-прежнему оставались высокими. Оно и понятно: кадровые военные — не мобилизованная «сермяга». Но была и другая правда: девятьсот сабель лейб-гвардии конного полка не могли заменить собой пятнадцать тысяч штыков пехоты, которой предстояло осуществить прорыв. Чего уж лукавить, оба офицера понимали, что заставить пехотинцев покинуть окопы и пойти в атаку будет сложно, если не сказать невозможно.

— Так или иначе, а приказ выполнять придётся. Наступление состоится в означенные сроки. Следовательно, в нашем распоряжении три с половиной недели на подготовку, — со вздохом произнёс полковник, сворачивая никчемную дискуссию и в то же время намекая, дескать, поживём — увидим: мало ли что за это время измениться может, к тому же не исключено, что в лучшую сторону.

— Вам же, господин штабс-ротмистр, — перейдя на официальный тон, обратился к подчинённому Старосельский,

— поручаю в ближайшее время разведать возможные обходные пути для выхода в тыл неприятеля.

— Слушаюсь, господин полковник! — козырнул Сергей.

— Порасспросите местных жителей, — посоветовал напоследок полковник. — Не верю, что в здешних лесах не отыщется какой-нибудь тропинки...

Легко сказать, порасспросите. Кого, если в окрестностях Сморгони давно воцарилось почти кладбищенское безлюдье? Горожане, как уже говорилось, бежали кто куда, лишь бы подальше от войны. Сельские жители, у кого была такая возможность, тоже последовали их примеру. Не стронулись с места лишь дряхлые старики да те, кому податься было совсем уж некуда. Таковых оказалось немного. Однако, объехав на пару со своим верным денщиком Столярчуком всю округу, уже на второй день поисков Сергей, как ни странно, нашёл подходящего человека. В опустевшей деревушке с заковыристым названием Войниденяты, притулившейся на самой кромке пуши, как здесь называют непроходимые леса, наткнулся он на ветхую старуху. Нещадно коверкая русскую речь, та поведала, что на краю деревни обитает некий Кулеба. Живёт бирюком, лет тридцать уже промышляет лесную дичину и места здешние исходил вдоль и поперёк. Стало быть, к нему вам.

Кулебу — кто его разберёт, имя это, фамилия или прозвище, — они застали дома за выделкой волчьей шкуры. Он оказался приземистым пожилым мужиком с вислыми уса-

ми. Гостей встретил настороженно-неприветливо. Если на-
правившая их сюда старуха с грехом пополам говорила по-
русски, вплетая в речь белорусские слова, то Кулеба, когда
штабс-ротмистр попытался объяснить цель своего прихода,
наотрез отказался его понимать.

— Ни розумием, — прогудел он густым басом и продол-
жил заниматься своим делом.

— Никак он по-польски лопочет, — на слух предположил
Сергей и подосадовал: — Ну, и как, скажите на милость, с
ним объясняться?! Я в польском ни аза не смыслю.

— Дозвольте мне попробовать, ваш бродь! — слышал-
ся сзади голос денщика.

— А ты что, польский понимаешь? — обернулся к нему
ротмистр.

— И понимаю, и говорю, — подтвердил Столячук. —
Только что писать не могу.

— Откуда? — С удивлением воззрился на солдата Сергей.

— Так, я ж себежский, — расплылся в улыбке денщик. —
У нас, как и тут, народу разного понамешано страсть сколь-
ко. Это ж меня отец в метрику Осипом вписал, а мать всю до-
рогу Юзефом звала. Она ж — полька. Поневоле языку обу-
чишься.

— Ну попробуй! — позволил ротмистр и подробно изло-
жил, чего он, собственно, ждёт от этих переговоров.

Столярчук переводил быстро и уверенно. Молодой князь,
предки которого в былые времена вдосталь навоевались со

шляхтой, вероятно, инстинктивно недолюбливал всё польское. И язык тоже. «Шч», «хш», «тш», «пш», звучавшие в каждом втором слове, его дико раздражали. Но сейчас необходимо было как-то договориться с этим бирюком, и Сергей терпеливо ждал ответа. Несомненно, лесовик понял, что ему предлагается указать дорогу через пушу, по которой можно было бы обойти германские позиции. Однако, когда Столярчук закончил, Кулеба лишь угрюмо зыркнул на офицера из-под кустистых бровей и отрицательно помотал головой.

— Ни вем.

— Говорит, не знает такой дороги, — перевёл денщик.

Понятное дело, опасается немцев, прикинул Сергей. Если те вдруг пронюхают, за такие дела по головке не погладят. А может, просто не любит русских. Ладно. Попробуем действовать иначе. Ротмистр подошёл к столу, засунул руку в карман галифе и вынул кожаное портмоне. Заметив, что в глазах хозяина промелькнул огонёк интереса, князь уверился, что избрал верный путь. Нарочито медленно он вытащил из монетницы и положил на стол золотой червонец. Кулеба молчал. Князь достал ещё один червонец, и вторая монета легла рядом с первой.

— А если так? — спросил он.

Язык денег никогда в переводе не нуждался. Кулеба покосился на червонцы и, не без усилия отведя глаза, вновь угрюмо пробасил:

— Ни вем.

Таки добыю ж я тебя! — с весёлым азартом подумал Сергей и, не размениваясь на мелочи, словно змей-искуситель, прибавил к двум предыдущим сразу три монеты.

— Подумай! Это — большие деньги, — вновь не прибегая к помощи денщика, в качестве переводчика, по-русски сказал он.

На сей раз алчный взгляд лесовика прямо-таки прилип к золоту. Это действительно были немалые деньги, а для человека, живущего охотой, так просто огромные.

— Пшепровадзе, — гулко сглотнув, произнёс Кулеба.

Что это значило, Сергей понятия не имел, но почему-то не сомневался, что соглашение достигнуто.

— Говорит, проведёт, — подтвердил его догадку Столярчук.

— Узнай, с лошадьми пройдем? — усмехнувшись, поинтересовался штабс-ротмистр.

Денщик перевёл. Кулеба кивнул.

Вернувшись в расположение полка, Сергей направился напрямик к Старосельскому. Совещание было недолгим. Штабс-ротмистр доложил, что нашёл человека, который за плату берётся скрытно провести их на территорию, занятую противником.

— И какова цена? — поинтересовался полковник.

— Пять золотых червонцев.

— Приемлемо, — кивнул Старосельский, быстро сопо-

ставив в уме названную сумму с возможностями полковой кассы, и, склонившись над столом, застеленным топографическими картами, спросил: — Куда конкретно он обещает вывести?

— В Перевесье, — ответил Сергей.

— Перевесье... Перевесье... — бормотал полковник, отыскивая глазами название деревни, а когда нашёл, принялся рассуждать вслух: — Левый фланг германцев, как они полагают, надёжно защищён лесной чащей и топами. Перевесье севернее. Практически оперативный тыл. При наличии естественных преград едва ли там будет выставлен серьёзный заслон. Заманчиво... Весьма заманчиво, оттуда внезапно ударить в спину противнику. Полагаю, и одного нашего полка довольно будет. Имеем хорошие шансы преподнести герру фон Виттельсбаху* сюрприз. Он-то, поди, уверен в неприступности своих позиций на этом участке, а мы, ежели сумеем-таки обойти, устроим ему такой пердимонкль, что он его вовек не забудет! — возбуждённо толковал командир полка. — Дело за малым — выяснить, возможно ли действительно добраться окольными путями до этого Перевесья.

— Готов вступить завтра же, — подал голос штабс-ротмистр.

*Леопольд фон Виттельсбах — генерал-фельдмаршал, с августа 1916 года до окончания Первой мировой войны главнокомандующий германскими войсками на Восточном

фронте.

— Что ж, вы начали, вам и заканчивать, — одобрительно кивнул полковник. — Полувзвода, полагаю, для разведки будет довольно. Что, куда, зачем в полку особо не распространяйтесь.

Едва забрезжил рассвет, Сергей был уже в седле и в сопровождении двух десятков всадников покинул лагерь. Три года на фронте дорогого стоят. Из юного корнета он превратился в опытного воина, за плечами которого остались десятки боёв, жесточайшие конные сшибки и рейды по неприятельским тылам. Штабс-ротмистр давно и крепко усвоил, что разведка — дело лихих и отчаянных. Посему в свой небольшой отряд включил лишь заматерелых рубак, которым сам чёрт не брат, готовых к любым неожиданностям и не раз проверенных в бою.

В Войниденятах — вот же название, право, язык сломаешь! — к ним присоединился Кулеба на убогой лошадёнке, и отряд углубился в чащу. Сперва шли едва заметной тропкой, петлявшей меж вековых сосен. Потом продираясь сквозь ельник, спотыкаясь о бурелом и путаясь в валежнике. Долго обходили по берегу большущую топь. Несколько раз пересекали неглубокие заболоченные озерца, где лошади брели по колено, а то и по брюхо погружаясь в вонючую зелёную жижу. Затем снова был ельник...

Наконец впереди, среди деревьев, показался долгождан-

ный просвет, предвещавший скорый выход на открытую местность. Немного не дойдя до опушки, Кулеба остановился. Впереди простиралось широкое поле.

— То ест Перавессе, — указав пальцем на видневшиеся вдалеке домишки, сообщил он.

— Вот и славно, — удовлетворённо произнёс Сергей.

Неожиданно одна из лошадей громко всхрапнула и, словно, отвечая ей, откуда-то слева, со стороны поля, раздалось залиvistое ржание. Князь повернул голову на звук и обомлел. Вдоль кромки леса шёл на рысях конный разъезд. Большой — человек пятнадцать. Всадники были примерно в четверти версты и вполне могли расслышать донёсшийся с опушки леса конский всхрип. А если даже и нет, всё равно обратят внимание на то, как ржанул под кем-то из них конь, приветствуя скрытого за деревьями собрата. Зная педантичную немецкую натуру, не приходилось сомневаться, что непременно решат это проверить. Как быть?

Мысль лихорадочно заработала. Выбор небогатый. Можно попытаться скрыться в лесу. Удастся, нет ли, — бабушка надвое сказала. Немцы, конечно же, обнаружат следы присутствия чужих лошадей. Если они тем и ограничатся, уйдём без помех. Если окажутся не в меру ретивыми, кинутся преследовать и, чего доброго, нагонят, поди угадай, чем всё закончится. Второй вариант: напасть из засады первыми. Силы примерно равные, нас даже числом поболее будет, прикинул Сергей. Правда, люди и лошади измотаны трёхчасовым

блужданием в чащобе, но на одну короткую атаку сил у них достанет. К тому же, на нашей стороне внезапность.

Только что так, что этак — всё едино попадаем в цугц-ванг, мрачно подытожил князь. Что бы и как бы я сейчас не предпринял, противнику всенепременно станет известно. Здесь побывали русские, и лесу этому уже с завтрашнего дня станут уделять куда больше внимания. А значит, о задумке скрытно провести в тыл неприятеля конный полк, чтоб нанести отсюда смертельный удар германской обороне, можно забыть. Жаль, ах, как жаль! Переход Ганнибала через Альпы, увы, не состоится, горько усмехнулся ротмистр.

Всё это в считанные секунды промелькнуло в его голове. Решение он уже принял. Из двух вариантов отхода отдал предпочтение второму, о чём и сообщил солдатам.

— Шашки вон! — негромко приказал Сергей. — Как по-равняются с нами, атакуем. Пленные нам без надобности.

Это значило одно — если даже никого из немцев в живых не останется, большой беды не будет. Предстоял нелёгкий обратный путь через пущу. Пленные — лишняя морока. Когда за «языком» идёшь — иное дело, а тут надо спехом ноги уносить. Ну а пока, как говорится, руби их в песи, круши в хузары, как предками завещано. В дополнительных наставлениях бывалые вояки не нуждались — каждый знал, где стать и что делать. Кулебу отвели в глубь леса, чтоб с ним, не приведи бог, какой беды не приключилось — кто ж тогда обратно к своим выведет? А на тот случай, если проводник

вздумает дать дёру, пришлось приставить караульного.

Ничего не подозревавшие германские драгуны неспешно рысили, выстроившись попарно в колонну, когда из лесу высыпало два десятка всадников с шашками наголо. Русские атаковали лавой. Нападение было столь стремительным, что немцы, имевшие при себе пики, даже не успели выдернуть их из бушматов*. Им едва хватило времени извлечь из ножен сабли и развернуться шеренгой для встречи атакующего противника. Сшибка. Лязг метала. Крики. И вот уже кто-то, окровавленный, валится на землю. За ним ещё и ещё...

Надо отдать германцам должное — даже понеся серьёзный урон в первые же секунды столкновения, о бегстве они не помышляли и рубились отчаянно. Постепенно бой распался на отдельные схватки и вскоре стал понемногу угасать. Шестерым уцелевшим драгунам определённо было не выстоять против полутора десятка лейб-гвардейцев, тем не менее немцы сопротивлялись. Особенно выделялся среди них здоровенный рыжеусый вахмистр, восседавший на крупном гнедом жеребце. Впрочем, куда больше, чем стати коня и богатырское сложение всадника, Сергея впечатлило его оружие. Вместо привычной кавалерийской сабли, тот

*Бушмат — кожаный наконечник, прикрепляемый к правому стремени кавалериста, куда в походе вставляется своим нижним концом пика.

сжимал в правой руке эфес кирасирского палаша времён

наполеоновских войн. Можно только гадать, где усач смог его раздобыть — вероятнее всего, этот почти меч достался ему в наследство от прадеда, — но управлялся он с ним недурственно. Лихой вахмистр уже выбил одного за другим из седел двоих и теперь нацелился напрямик на командира русского отряда.

Они сошлись. Удар палаша был страшен. Сергей попытался парировать его своей великолепной кавказской шашкой, которую заслуженно считал благословленным щитом, и впрямь, не раз спасавшим ему жизнь. Однако дамасская сталь не выдержала напора тевтонской ярости — клинок переломился. Князь чудом не пострадал и едва удержался в седле, а неутомный пруссак уже замахнулся для последнего смертельного удара...

Оккупант

Поезд не успел ещё окончательно остановиться, а с подножки вагона на перрон уже ловко соскочил совсем молоденький лейтенант-артиллерист. Сразу видно, лишь на днях получил заветные кубари на петлицы. Обмундирование с иголочки, даже обмяться не успело. Новенькая хрустящая португеза. Начищенные до блеска щеголеватые яловые сапоги, выданные взамен курсантских брезентовых. Довершал картину тоже новенький фанерный чемодан, какими обыкновенно снабжают выпускников военных училищ перед от-

правкой к месту службы.

Всем своим видом лейтенант как бы предлагал окружающим: смотрите каков я! Да вот незадача — хоть в этот вечерний час народу на вокзале толкалось немало, желающих полюбоваться формой и выправкой лихого молодца не нашлось. Никто попросту не обращал на него внимания, что в общем-то объяснимо. С одной стороны, у всех свои заботы: кто пришёл встречать, кто провожать, кто занимался выгрузкой багажа. С другой... Дело было на вокзале Вильнюса — столицы Литовской ССР, недавно принятой в братскую семью республик Советского союза. Вслух об этом не говорили, но среди литовцев тех, кто приветствовал упомянутое эпохальное событие, было существенно меньше, чем тех, кто счёл произошедшее оккупацией. К тому же последовавшая вслед за вводом войск советизация, сопровождавшаяся уничтожением частной собственности, национализацией, коллективизацией и беспощадной борьбой с «антисоветскими элементами» отнюдь не способствовала росту просоветских настроений. Так что, если кто и одаривал лейтенанта взглядом, то скорее неприязненным, нежели исполненным хоть малейшей симпатии. Ну кого могло порадовать прибытие в Литву ещё одного очередного оккупанта?

А лейтенант ни о чём таком даже не догадывался. На политзанятиях будущим краскомам преподносили ситуацию с прошлогодним присоединением Прибалтики исключительно в позитивном ключе. Дескать, вступлении Латвии, Эсто-

нии и Литвы в состав СССР есть акт свободного волеизъявления народов этих республик, пожелавших встать на путь строительства социализма, и всякое такое прочее... О том же, как в действительности обстояли дела, молодой офицер понятия не имел, а потому был несколько удивлён безразлично-недоброжелательным отношением к нему литовцев.

Впрочем, подобная реакция не так чтобы и сильно задела артиллериста за живое. Нет так нет. Прибытие в Литву, в чём он нисколько не сомневался, означало для него начало нового периода в жизни. Только это имело значение, всё же прочее было несущественно. Позади остались два года бесконечной муштры, зубрёжки уставов и нудного изучения матчасти в Тамбовском артиллерийско-оружейном техническом училище. Впереди ждала блестящая военная карьера. Посему он наплевал на невнимание к своей персоне толпившихся на вокзале людей и решительно проследовал к выходу. Там поинтересовался у попавшегося на глаза милиционера, где находится комендатура. Тот ответил, что она на проспекте Сталина, бывшем проспекте Мицкевича, где размещались все органы установившейся в республике с недавних пор Советской власти, и подсказал, как удобнее пройти.

Всю дорогу лейтенант с любопытством глазел по сторонам. Вильнюс разительно отличался — само собой, в лучшую сторону — от захолустного Тамбова, где наш молодец провёл последние два года, но не шёл ни в какое сравнение с его родным Ленинградом. Не было здесь ни поражающих во-

ображение величественных дворцов, ни мостов, ни бесчисленных памятников... Словом, не было в Вильнюсе ничего от величия, присущего европейской столице. Обычный провинциальный город, хотя и не лишённый самобытного неповторимого очарования.

Получаса не прошло, как лейтенант уже стоял навытяжку пред военным комендантом города, немолодым усатым подполковником с орденом Красной Звезды на френче.

— Стало быть, вы у нас Бобрин Егор Алексеевич? — ознакомившись с удостоверением личности молодого офицера, зачем-то уточнил тот, возвращая документ владельцу.

— Так точно, товарищ подполковник! — чеканно ответил лейтенант, убирая красные корочки в нагрудный карман гимнастёрки.

— Тамбовское артиллерийское закончили? — не то спросил, не то констатировал комендант, взглянув на выписку из приказа, которую вместе с удостоверением предъявил ему Бобрин.

— Так точно! — тем же чётким командным голосом, выработанным в стенах военного училища, громогласно рявкнул лейтенант.

— И направлены вы для дальнейшего прохождения службы в 615-й артиллерийский полк 179-й стрелковой дивизии? — в той же манере продолжил уточнять детали подполковник, похоже, больше повинаясь собственной привычке рассуждать вслух, чем действительно ожидая ответа.

— Так точ... — собрался было в полном соответствии с требованиями устава подтвердить Бобрин.

— Да ты горло-то не дери — не на плацу! — перейдя на неофициальный тон, мягко, почти по-отечески пресёк его порыв комендант. Потом, сверившись с датами, заметил: — Долгонько ты, однако, к нам сюда добирался. Приказ от пятнадцатого числа, а сегодня уже двадцать первое.

— Так ведь, товарищ подполковник, после выпуска полагается трёхдневный отпуск. Съездил навестить мать — и сразу сюда, — пояснил лейтенант: — А остальное — дорога. От Тамбова до Ленинграда почти тысяча двести километров, а оттуда до Вильнюса семьсот, и всё на перекладных...

— Да ладно. Это я так, к слову, — отмахнулся подполковник и перешёл к делу: — Часть твоя сейчас в полевом лагере возле Пабраде. Отсюда полсотни вёрст. Завтра воскресенье. Комсостав на выходные наверняка разъехался, так что заниматься тобой там будет некому. Мы вот как поступим... — Он призадумался. — Сейчас выпишу тебе пропуск в наше офицерское общежитие. Там переночуешь. Завтрашний день твой. Погуляй по городу. А в понедельник с утречка в Пабраде машина пойдёт с обмундированием. Она тебя захватит. Лады?

— Лады! — по-мальчишески восторженно отреагировал на столь заманчивое предложение лейтенант.

Кто же, будучи в здравом уме, откажется от неожиданного-негаданно свалившегося выходного. Тем более, когда ты

только-только оттянул курсантскую ляжку и вырвался наконец из-под опеки докучливых командиров и преподавателей, у которых казалось не было иной цели, кроме как сделать всё от них зависящее, чтобы у вверенных их заботам курсантов ни минуты свободной не оставалось.

— Тогда, считай, вопрос твой решён. Отдыхай, пока есть возможность! — Благодушно усмехнулся подполковник и, обернувшись к карте города, висевшей на стене у него за спиной, ткнул в неё указательным пальцем: — Мы здесь. — Палец сместился влево и вниз: — А вот тут, на Закретной, общежитие — бывшее Виленское юнкерское училище...

Однако ни погулять на следующий день по городу, ни добраться до места назначения лейтенанту было не суждено. Да что говорить, ему даже выспаться нормально не удалось, потому как на рассвете он был разбужен несмолкаемым грохотом отдалённых разрывов. Не понимая, что происходит, Егор тем не менее отреагировал на ситуацию как должно: оделся так быстро, что даже ротный старшина, истязавший курсантов-первокурсников каждодневной отработкой упражнения «отбой-подъём», остался бы доволен. Уже через минуту, на ходу застёгивая портупею, он вместе с другими офицерами, ночевавшими в общежитии, налегке — чемодан оставил в комнате, — покинул здание.

Выскочив на улицу, Егор застыл на месте, поражённый увиденным. Зловеще багряное небо было чуть позолочено

лучами едва показавшегося из-за горизонта солнца. Над южным предместьем города кружило два или три десятка тяжёлых бомбардировщиков. Бомбы с характерным свистом сыпались на землю, словно горох из худого мешка. Взрывы следовали один за другим непрерывной чередой. С земли в небо поднимались густые клубы дыма, подсвеченные языками пламени. Глаз не в силах отвести, словно зачарованный созерцал он эту поистине апокалипсическую картину. Вероятнее всего, родившийся уже при советской власти, закончивший десятилетку, а потом военное училище, парень и слова-то такого никогда не слышал, но грандиозность происходящего для него была очевидна.

— Аэродром бомбят сволочи, — со знанием дела угрюмо процедил сквозь зубы стоявший рядом пехотный капитан, на груди которого поблескивала серебром медаль «За отвагу». — Склады с авиатопливом горят.

— Что? — словно очнувшись от наваждения, невпопад спросил Егор.

— Война, лейтенант, вот что! — раздражённо бросил в ответ капитан.

Между тем какофония взрывов начала стихать и вскоре совсем сошла на нет. Опорожнив бомболюки, самолёты налегке потянулись на запад. В наступившей гнетущей тишине слышен был лишь удаляющийся гул множества моторов. Капитан-пехотинец окинул взглядом столпившихся подле общежития офицеров. Одиннадцать человек, произвёл он ско-

рый подсчёт. Все, как один, без году неделя лейтенанты — двадцатилетние желторотики. Они растерянно переглядывались, переминаясь с ноги на ногу, понятия не имея, что делать. Капитану же война была не в диковинку — не просто так украшала его гимнастёрку «отвага». Получил он её за Халхин-Гол и по собственному опыту знал, что творилось сейчас в головах у этих не нюхавших порошу пацанов. С другой стороны, и сам бывалый офицер не слишком отчётливо представлял, что следует предпринять в такой ситуации. Однако необстрелянный молодняк требовалось привести в чувство, поэтому он громко, чтобы до всех дошло, гаркнул:

— Я — капитан Стрешнев! Как старший по званию принимаю командование на себя!

Остальные словно только того и ждали: подтянулись и с надеждой уставились на него. Самостоятельно принимать решения эти мальчишки ещё не умели, а с выполнением приказов дело обстояло проще — в училище они только тем и занимались. Главное, чтобы нашёлся тот, кто будет приказы отдавать. Он нашёлся, значит, теперь всё будет в порядке.

— Слушай мою команду... — начал было Стрешнев, однако договорить не успел: сверху послышалось приближающееся гудение моторов.

Все дружно уставились в небо. На Вильнюс надвигалась новая волна самолётов, причём совсем не тех неуклюжих бомбовозов, что, отбомбившись, улетели, а других. Эти были меньше, легче, быстрее и походили на хищных птиц.

Их аэродром не интересовал. Они нацелилась на сам город. Неожиданно один из самолётов с леденящим кровь воем резко сорвался в крутое пики. За ним последовал второй, потом третий...

Среди вчерашних курсантов лётчиков не нашлось, так что о способах бомбометания они имели смутное представление. Некоторые обрадовались, решив сгоряча, что самолёты кем-то сбиты и падают. Капитану же, в отличие от прочих, уже довелось на собственной шкуре испытать, что такое пикирующие бомбардировщики — правда, не фашистские, а японские, но какая, хрен, разница. Он-то знал, что самолёты никто не сбил, и в землю не врежутся, а очень даже прекрасно выйдут из пики, предварительно избавившись от своего смертоносного груза. Поэтому, едва услышав над головой знакомый вой сирены, заорал что было силы:

— Воздух!

И, подавая пример, первым бросился на мостовую, прикрыв затылок руками. К чести молодых офицеров, команду они выполнили мгновенно, дружно плюхнувшись на брусчатку. Бомба упала примерно в полусотне метров от них. Земля ощутимо содрогнулась. Гроыхнуло так, что аж уши заложило. Взрывной волной в окнах офицерского общежития выбило стекла и распластавшихся где и как попало красных командиров осыпало осколками. Двое вознамерились было сразу после взрыва вскочить, но Стрешнев взревел страшным голосом:

— Лежать, мать вашу!

Снова донёсся нарастающий звук сирены, атакующего пикировщика. На сей раз рвануло ближе, и прямо посреди утопающей в зелени Закретной образовалась глубокая воронка. Несколько деревьев из тех, что чинно выстроились вдоль улицы, с треском рухнули на мостовую. И вновь раздался раздирающий барабанные перепонки нарастающий вой. А это, кажись, по нашу душу, по одному ему понятным признакам, определил переживший не одну бомбёжку капитан. Он не ошибся — бомба угодила прямиком в общежитие. Раздался страшный грохот рушащегося здания, после чего всё стихло. Стрешнев поначалу решил, что его оглушило взрывом, но нет — откуда-то издалека по-прежнему доносился приглушённый расстоянием многоголосый вой пикирующих бомбардировщиков, перемежавшийся с разрывами, которые порой накладывались один на другой. Выходит, с ушами порядок, просто, здесь они отбомбились. Он приподнял голову, но ничегошеньки не увидел — всё заволокло дымом и пылью.

Выждав немного, капитан встал и осмотрелся. Дым почти рассеялся. Пыль стала понемногу оседать. Открывшаяся взгляду картина человека далёкого от войны, вероятно, ужаснула бы. И дело даже не в том, что половина бывшего юнкерского училища превратилась в руины, а у второй вместо оконных рам зияли слепые глазницы оконных проемов. Если бы только это... Почти всех неоперившихся офицеров

погребла под собой обрушившаяся стена. Так уж сложилось, что уцелели лишь сам Стрешнев да ещё один лейтенантик. Не придавило их лишь потому, что оказались они буквально на два-три шага дальше других от здания — ещё чуток, и до них дотянулась бы «костлявая».

Невредимым лейтенантом оказался Егор Бобрин. Пока рвались бомбы, он лишь сильнее вжимался в мостовую, словно от этого зависело его спасение. Страха, как ни странно, не было, было лишь страшное напряжение. Мышцы так затекли, что, когда всё закончилось и в наступившей тишине он попытался подняться с земли, удалось это ему лишь со второй попытки — закаменевшее тело не слушалось, руки и ноги предательски дрожали. Кое-как приняв вертикальное положение Егор ошалело уставился на огромную, высотой несколько метров, кучу обломков и только тут осознал, какой беды избежал, в отличие от тех, кому повезло меньше... Может, кого-нибудь можно ещё спасти? Пошатываясь и с трудом переставляя непослушные, ставшие вдруг ватными ноги, лейтенант сделал было несколько шагов в направлении завала, но властный оклик капитана заставил его остановиться.

— Отставить, лейтенант! — резко скомандовал Стрешнев, однако понимая, что творится на душе у парня, совсем не по-уставному прибавил: — Им уже не поможешь. После такого не выживают. Идти надо. Если опять налетят, запросто можем, — он кивнул на обломки, — рядом с ними лечь.

А кто вместо нас с тобой воевать будет?

Внушение действовало.

— Куда мы теперь? — спросил Егор.

— В комендатуру, — коротко ответил капитан.

Они быстрым шагом двинулись в сторону центра. Налёт закончился. Израсходовав боезапас, пикировщику улетели. Другой вопрос: надолго ли? Пока шли, совсем развиднелось. Закретная находилась на высоком левом берегу Няриса. Весь город оттуда как на ладони. Казалось, Вильнюс не так уж и сильно пострадал от бомбёжки. Что-то горело в центре, ещё в пяти или шести местах тоже кустился дым пожарищ. Вот, в общем-то, и всё.

— Замах на рубль, удар на копейку, — презрительно буркнул себе под нос Егор.

Тем не менее Стрешнев это расслышал.

— Не скажи, лейтенант, — горько усмехнулся он, на ходу.

— Удар-то, пожалуй что, на целый червонец вышел.

И, дабы рассеять заблуждение молодого офицера, пояснил:

— Сразу видно, разведка у них налажена — по конкретным целям били. Аэродром уничтожен. Офицерское общежитие бомбили тоже не просто так. Считай, десяток человек комсостава одной бомбой похоронили, — напомнил капитан. — Впереди, вон, проспект Сталина горит. А там всё сплошь советские учреждения. Вон там товарная станция горит... Дальше гарнизонные казармы, продсклады, нефтеба-

за... — перечисляя эти объекты, капитан поочерёдно указывал на пожары, бушевавшие в разных частях города, и, закончив, подвёл неутешительный итог: — Так что, отбомбились немцы на ура! Всё, что требовалось, накрыли. А город сносить у них и думки не было. Он им самим ещё пригодится.

Сообразив, насколько наивен был в оценке произошедшего, Бобрин стушевался и, чтоб сгладить неловкость, спросил:

— А откуда вы, товарищ капитан, знаете, что тут где?

— Так я уж третий месяц в Вильнюсе. Обжился. — Губы Стрешнева скривились в невесёлой ухмылке. — Собрался жену с сыном вызвать, да не успел. Выходит, и хорошо, что не успел...

За разговором вышли на проспект Сталина. Его было не узнать. Прав оказался капитан — бомбардировщики потрудились на совесть. Повсюду зияли дымящиеся воронки. Улица была усыпана вывороченными из мостовой булыжниками. Кое-где лежали трупы. Некоторые административные здания обрушились целиком, некоторые частично, многие горели. Пожары никто не тушил. Удивительно, но комендатура от бомбёжки не пострадала. К ней-то со всех сторон и стекались военнослужащие — те, кто оказался в это несчастное утро в городе, а не в своих частях. Капитан с лейтенантом присоединились к собравшимся. А народ всё прибывал, и вскоре в огороженном дворике перед входом в комендатуру образовалась внушительная толпа военных всех

мастей: пехотинцев, лётчиков, артиллеристов, танкистов, по большей части офицеров. Немало было легко раненых. В надежде получить руководящие указания, все ждали коменданта, а пока негромко переговаривались...

— Ты прикинь, внагль налетели! Как карусель началась, мы сразу к самолётам, да какое там! Взлётную полосу взрывами перепахало. Две-трети машин так на земле и сгорело. А они, гады, отбомбились, как на полигоне, и спокойно ушли...

— В казарму две бомбы угодило. Крыша рухнула. Кто успел, выскочил, остальных придавило...

— Продуктов на складах сгорело страсть сколько. Так ещё на подъездных путях двенадцать вагонов неразгруженных стояло. Всё прахом пошло...

Когда к подъезду комендатуры подкатила чёрная «эмка», разговоры стихли. Из машины выбрался давешний подполковник, который накануне выдал Егору пропуск в общежитие.

— Я — военный комендант города подполковник Бочаров! — громко, чтобы все слышали, сообщил он собравшимся. — Четверть часа назад пришло сообщение из штаба округа. Германские сухопутные войска вторглись на территорию СССР. Граница прорвана во многих местах. Информации крайне мало. Бомбардировке, кроме Вильнюса, подверглись Каунас, Шауляй, Рига и Таллин. Вот всё, что известно на текущий момент, — и, сделав глубокий вдох, слов-

но перед прыжком в воду, рубанул: — Это война, товарищи!

Повисла гробовая тишина. В общем-то, он озвучил то, что все и так уже знали, вернее, предполагали. Но одно дело — предполагать, и совсем другое — получить подтверждение от более осведомлённого старшего офицера. А Бочаров держался молодцом. Ясное дело, что ему, как и всем остальным, ни хрена не ясно было, чего ждать даже в ближайшие часы, однако, несмотря на это, он решительно взялся за дело, объявив, что до прояснения обстановки данной ему властью прямо сейчас, не сходя с этого места, намерен сформировать из присутствующих военнослужащих сводный батальон, чтобы иметь под рукой хоть какое-то боеспособное подразделение для обороны города, помимо комендантской роты. И сразу всё завертелось: составление списков, назначение командиров, выдача оружия и боеприпасов...

Бочаров был калач тёртый. Чего-чего, а боевого опыта ему было не занимать. На излёте гражданской простым красноармейцем участвовал в форсировании Сиваша. В середине двадцатых, будучи комвзвода, воевал с басмачами на Туркестанском фронте. В финскую, уже командуя стрелковым полком, штурмовал «линию Маннергейма». К слову, последняя война обошлась ему дорого. По причине полученного в феврале сорокового года тяжёлого осколочного ранения подполковник провёл не один месяц в госпитале. После окончательного выздоровления, совпавшего с присоединением к СССР трёх прибалтийских республик, получил направление

в Литву, где и возглавил Вильнюсскую комендатуру. Понятно, что подобное назначение восторга у боевого офицера вызвать не могло, но служба есть служба. И он продолжил честно и ответственно исполнять воинский долг на новом месте в новой должности.

Учитывая сказанное, стоит ли удивляться, что в неизбежной неразберихе, возникшей после внезапной утренней бомбардировки, подполковник оказался одним из немногих, кто сумел сохранить если не спокойствие, то трезвомыслие? Недавняя война с финнами многому его научила. Началась она, как водится, с традиционного шапкозакидательства, сопровождалась бездарным командованием и отвратительно организованным снабжением, а завершилась, пусть и победой, но с такими огромными потерями, что о них предпочитали помалкивать. Именно там, в заснеженной Суоми, подполковник Бочаров усвоил нехитрую истину: в критической ситуации дожидаться приказов сверху — гиблое дело. Директива может запоздать или вовсе не дойти, а упущенное время не вернёшь. Значит, решения следует принимать самостоятельно, сообразно складывающейся обстановке.

Критическая ситуация налицо. Вторжение Германии — факт, официально подтверждённый штабом ПриБОВО*. В настоящий момент связь прервана и будет ли восстановлена, неясно. Даже если будет, основные события сейчас разворачиваются в приграничных районах, и окружному командованию пока не до Вильнюса. Так что уповать на поступления

руководящих указаний не приходится. Подойдут ли в город какие-либо войска, нет ли тоже неизвестно. Из чего следовал простой вывод: на дядю не надейся, подмоги не жди и по мере сил и возможностей выкручивайся сам.

Собственно говоря, для него, как для коменданта, независимо от того, как развивались события на

*ПрибОВО — Прибалтийский особый военный округ. Штаб округа находился в Риге.

границе, мало что поменялось. В мирное время круг его обязанностей ограничивался учётом прибывающих в Вильнюс военнослужащих, организацией патрулирования с целью выявления и пресечения нарушений воинской дисциплины, ну и, само собой разумеется, принятия мер дисциплинарного и иного воздействия в отношении нарушителей. Теперь же, с началом войны, помимо вышеперечисленного на коменданта возлагалась ответственность за поддержание порядка в городе, недопущение паники и мародёрства и сильное участие в подготовке к обороне. Конечно же, он не мог оценить масштаба вторжения — информации-то с гулькин нос. Может, только Прибалтика подверглась нападению, а может и в Белоруссии, и на Украине творится то же самое, кто знает. Но в одном бывалый офицер ни секунды не сомневался: не для того немцы напали, чтобы повоевать денёк-другой на границе и возвратиться домой, в Пруссию и вскорости непременно доберутся до Вильнюса.

Подполковник не то, чтобы слукавил, когда объявил собравшимся возле комендатуры, что в его распоряжении имеется лишь комендантская рота, скорее не хотел дразнить людей пустыми обещаниями и внушать напрасные надежды. Да, по состоянию на утро двадцать второго июня в городе действительно не было никаких воинских частей — все они дислоцировались вне Вильнюса, и кто знает, какие виды имело на эти части командование округа, которое куда больше заботили дела на границе, где шли бои. Тем не менее Бочаров надеялся, что какие-то дополнительные силы для защиты города будут выделены — всё-таки столица союзной республики. Только вот когда и какие — большой вопрос. Впрочем, в Вильнюсе квартировал ещё и батальон войск НКВД по охране железных дорог, но, где и как он будет задействован решало не армейское начальство, а наркомвнудел. Каково будет это решение с учётом межведомственных трений, предугадать невозможно. Вот и выходило, что пока комендант действительно мог рассчитывать только на комендантскую роту да на спешно сформированный им сводный батальон, который к семи часам утра выдвинулся на юго-западную окраину города и там спешно окапывался.

Неопределённость угнетала страшно. Только ближе к полудню начала поступать хоть какая-то обрывочная и вероятно не слишком точная — но уж какая есть! — информация о том, что творилось на западе. Новости приходили од-

на другой тревожнее. Источником их сперва были сотрудники советских и хозяйственных учреждений, имевших собственный автотранспорт, на котором они сумели выбраться из районов, где полным ходом шли боевые действия. От них стало известно, что немцы уже в Мариямполе и Алитусе, что на подступах к Каунасу идут бои. Позже город стали наполнять беженцы из числа тех, кто не так давно восторженно приветствовал вхождение Литвы в СССР. Вот уж кому не приходилось ждать ничего хорошего ни от оккупантов, ни от своих сограждан, настроенных категорически против навязанной им советизации. По их словам, под Вилькинин-каем 184-я дивизия Красной армии, состоящая в подавляющем большинстве из литовцев, то ли попала в окружение и сдалась в плен, то ли, перебив нелитовских офицеров и комиссаров, добровольно перешла на сторону неприятеля. А от Вилькининка до Вильнюса, так между прочим, всего-то шестьдесят километров. Однако лейтенанта Бобринина всё это интересовало постольку-поскольку. Он был занят рутинным солдатским делом — рытьём окопов...

Боевое крещение Егор принял двадцать четвёртого июня в вильнюсском предместье Паняряе, где держал оборону сводный батальон, на четверть состоявший из офицеров. Виданое ли дело, чтобы взводными и ротными были майоры? А там были. Что до младшего состава, ему пришлось довольствоваться ролью рядовых бойцов и, вооружившись

трёхлинейками, занять место в траншеях. Понятно, что подобная расточительность по отношению к офицерским кадрам — непозволительная роскошь, но подкрепления так и не подошли, а защищать город кто-то должен.

Рокот множества двигателей послышался задолго до того, как со стороны Алитуса на дороге показалась немецкие танки. День выдался жарким, солнце уже стояло в зените, и в знойном мареве колонна бронетехники походила на огромную грязно-серую змею, постепенно заполнившую всё шоссе до горизонта. Состояла она в основном лёгких чешских ЛТ-38. Заметил Егор и несколько средних немецких Т-3 — как артиллерист, он в танках потенциального противника просто обязан был разбираться. Только вот на душе от этого легче не стало, потому как было их уж точно больше полусотни. Тактическая подготовка в училище была на высоте. Преподаватели добросовестно потрудились, вдалбливая в курсантские головы азы военной науки, и теперь, наблюдая за неотвратимым приближением танковой армады, лейтенант Бобрин отчётливо осознал, что дело дрянь.

Даже ему, никогда не имевшему по тактике больше, чем «посредственно», ясно было, как день: против такого количества бронетехники батальону нипочём не выстоять. Что такое четыреста пятьдесят человек, вооружённых лишь винтовками, на без малого километр фронта?! Будь у них десятков «сорокопятков» — другой разговор, но не было ни одной. Как говорят в таких случаях, артиллерии ноль целых

хрен десятых! Имелось несколько ящиков РПГ-40*. Неплохое подспорье, только пока ты танк поближе подпустишь, чтоб наверняка добросить, он тебя сто раз угробить успеет. Впрочем, там, в Паняряе, врага встречали по большей части кадровые военные, привыкшие без рассуждений следовать приказам. Раз приказано удерживать рубеж, так с места не сходи, умри, но держи, как бы безнадёжна не была ситуация.

Прав был Стрешнев, глядя на приближающиеся танки, вспомнился Егору давешний разговор с

*РПГ-40 — советская ручная противотанковая граната образца 1940 года.

капитаном, разведка у немцев добре налажена. Определённо, шли не наобум и о наличии здесь линии обороны уж точно знали, потому что, прилично не дойдя до русских позиций, танки заранее стали

разворачиваться в боевой порядок. Надо признать, проделали они это на удивление споро и слаженно, выстроившись клином, направленным в сторону противника. Похоже, не было для них секретом и отсутствие у защитников города противотанковых пушек — посылая на ходу снаряд за снарядом, пёрли нахрапом, без поддержки отставшей пехоты, уверенные, что ответного огня не будет.

Рёв моторов, лязг гусениц, орудийная пальба, пулемётные очереди — всё слилось в жуткую какофонию. Чуть ли не ежесекундно вокруг рвались снаряды, взлетали и обру-

шивалась на головы красноармейцев комья земли. Повсюду огонь и дым. Как только танки вплотную приблизились к перепаханным взрывами окопам, оттуда полетели гранаты. Пять машин было выведено из строя, однако немецких танкистов это не остановило — не обращая внимания на потери, они принялись методично утюжить траншеи, сравнивая их с землёй и заживо хороня засевших там бойцов. Танковые пулемёты косили людей направо и налево, а подоспевшая на бронетранспортёрах немецкая пехота добивала тех, кто не пал под этим ливнем пуль. Не продержавшись и получаса, батальон был истреблён подчистую. Полегли практически все. Ещё в самом начале боя по окопам прокатилась новость, что Бочаров убит. Стрешнев погиб у Егора на глазах — уже тяжело раненный, он бросился со связкой гранат под гусеницы танка... В общем, мало кому удалось вырваться из этой мясорубки.

Егор оказался одним из немногих спасшихся. Как и давеча при бомбёжке, ему опять повезло — он не просто уцелел посреди ада из железа и огня, но и не получил ни царапины. Когда всё было кончено, лейтенант где бегом, где ползком, смог добраться до ближайшего леска и там укрыться. Упрекнуть себя ему было не в чем. Труса не праздновал, дрался честно, отстреливался до последнего патрона и оставил свой окоп лишь после того, как, выражаясь военным языком, «полностью исчерпал возможности к сопротивлению», а проще говоря, до тех пор, пока не опустел подсумок со сна-

ряженными обоями. В спасительном лесу на смену схлынувшей горячке боя пришла смертельная усталость. Сердце бешено колотилось. Все мышцы болели, словно после тяжёлой работы. Он с трудом держался на ногах. Чтобы хоть немного восстановить силы, пришлось прилечь на траву, положив рядом бесполезную по причине отсутствия патронов «трёхлинейку». Пока лежал, думал, что делать дальше.

Загадывать далеко смысла не имело. Первым делом решил, отыскать тех, кто ещё остался в живых. Не могли же в самом деле всех перебить — кто-нибудь да выбрался. Поиски увенчались успехом. Уже в сумерках набрёл на сержанта и троих красноармейцев и в соответствии с уставом принял командование над маленьким отрядом. Заночевали там же, в лесу. Для Егора та ночь стала мученьем. Сна не было. Столкновение с реальностью, в которой даже не пахло войной малой кровью на чужой территории, о чём день-деньской талдычили курсантам в училище, его потрясло. Сегодня крови пролилось предостаточно и не на чьей-то там территории, а на родной советской земле. И он, советский офицер, теперь вынужден был таиться от захватчиков в лесу, словно затравленный волк или беглый каторжник.

Раньше всё казалось простым и ясным. Воспитанный на бравурных маршах он твёрдо верил, что от тайги до британских морей красная армия всех сильнее. Теперь же то, что всего несколько дней назад казалось чем-то незыблемым, виделось не столь однозначным. Буквально у него на гла-

зах немецкие бомбардировщики уничтожили аэродром под Вильнюсом. И что же «сталинские соколы»? Как выяснилось, они даже в воздух подняться не сумели — почти все самолёты сгорели на земле. Пошатнулась и вера в броню, которая крепка, и танки наши, которые быстры. Где они танки эти? Егор пока ни одного не видел, зато, на немецкие на-смотрелся до оскомины. Да что танки, даже завалящей «со-рокопятаки» не нашлось для обороны столицы Литвы! Как же так? Последние полгода-год все только и говорили о том, что война с Германией неизбежна, её ждали, к ней готовились. И что? Она грянула, а мы оказались не готовы. О чём думали отцы-командиры? Неужели мощь Красной армии только для парадов годится? Да она должна была смести врага, по-сягнувшего на нашу социалистическую родину, едва он переступит границу! А вместо этого что вышло?!

Такие вот кощунственные мысли роились в его голове, куда от них денешься. Но так уж устроен человек, что, если в непроглядном мраке не увидит он хотя бы слабенький лучик надежды, конец человеку. Оправдание можно найти чему угодно, и Егор его нашёл: всё дело во ВНЕЗАПНОСТИ нападения! А коли так, искать виноватых и сетовать бессмысленно, тем более, что общей картины он не знал и понятия не имел, что творилось южнее или севернее. То, что произошло в Литве за

эти дни — временные трудности. Не успели толком закрепиться. Опять же, мощный удар превосходящих сил против-

ника. Вот в Белоруссии другое дело. Перед Минском ещё в тридцать восьмом году мощные укрепления возвели — на лекциях о них рассказывали и даже фотографии показали. Уж там-то эту фашистскую нечисть непременно остановят и погонят прочь с нашей земли! Сейчас главное — добраться до своих. Придя к этому единственно правильному, как ему думалось, решению, Егор наконец забылся сном...

Зима сорок второго выдалась лютая. Она совсем не походила на обычную для Белоруссии — малоснежную и мягкую. Уже в первых числах января снега навалило едва ли не вдвое больше против прошлогодного и сразу ударили сильные морозы. Такой стужи даже старожилы припомнить не могли. Правда, попадались древние старухи, которые говорили, что де лет пятьдесят тому назад что-то такое вроде как однажды было, но, кто знает, что творилось полвека назад.

Проламывая наст и по колено погружаясь в снег, по лесу с трудом пробирался человек в замызганном ватнике с чужого плеча, валенках и обтрёпанной шапке-ушанке. Обросший и небритый, он мало походил на щеголеватого офицера, спрыгнувшего на вильнюсский перрон накануне гитлеровского вторжения. Теперь его, вероятно, и родная мать не узнала бы, тем не менее это был тот самый лейтенант-артиллерист Бобрин, чудом не сгинувший в катастрофе первых дней войны, много чего испытавший и заматеревший от невзгод, которых на его долю выпало с избытком.

Сперва мыкал горе в литовских лесах со своим крошечным отрядом. Ни карты, ни хотя бы компаса у них при себе не было. Ориентируясь по солнцу, худо-бедно придерживались направления на восток, и то хорошо. Пробираться приходилось окольными тропами. На дороги, даже просёлочные, соваться — и думать не могли. Куда не ткнись, повсюду патрули с пулемётами. Нарвёшься, пиши пропало. Перещёлкают, как куропаток. А самое досадное, даже ответить нечем — на пять винтовок едва десяток патронов осталось. Сухпайки подъели быстро. Потом голодовали. Попытались разжиться съестным на попадавшихся по пути хуторах — какое там! Сельчане наотрез отказывались снабжать разбитых в пух и прах «советских оккупантов» продуктами и без церемоний выпроваживали их вон, небезосновательно полагая, что применять силу, а уж тем более оружие, те не осмелятся, потому как, на шум стрельбы, не дай бог, нагрянут немцы. Приходилось перебиваться грибами да ягодами. В Белоруссии стало полегче. Литовской враждебности не было. Крестьяне по мере возможности делились своими скудными припасами, но от того было лишь стыднее слышать вслед горькие укоры:

— Што ж робицца-то!.. Немец прэ, а вы бяжице?.. Граматы вашия дзе? Навошта вам винтоуки?

После недели скитаний по лесам они, изъеденные комарами, измождённые и голодные, набрали наконец на своих. Правда, то, что это свои, стало понятно не сразу. Поначалу,

когда на закате столкнулись на лесной прогалине нос к носу с вооружёнными и кто во что горазд одетыми людьми, вскинули было винтовки, — поди разберись, кто такие. По счастью, до пальбы не дошло — после взаимных представлений и опять же взаимной проверки документов, страсти улеглись. Оказалось, наткнулись на партизан, которыми предводительствовал первый секретарь Ошмянского райкома партии Василий Иванович Гонтарь — ладно скроенный мужик лет сорока пяти в защитном френче. Мало того, что был полным тёзкой Чапаева и носил такие же лихо закрученные усы, так ещё и сильно смахивал на артиста Бабочкина, воплотившего на экране образ легендарного начдива. Разве что, вместо папахи голову его покрывал картуз, а так ну просто вылитый Чапай!

Между тем быстро темнело. Следовало подумать о ночлеге и ужине. Нашли подходящее место. Взбодрили костерок. Занялись приготовлением немудрёной пищи, и скоро сдобренная салом и луком пшённая каша была готова. В отличие от партизан, приступивших к трапезе с крестьянской сдержанностью и неторопливостью, оголодавшие «окруженцы», как их окрестили бойцы Гонтаря, с простительной в их состоянии жадностью набросились на еду, которой давненько не видели. Егору вообще показалось, что ничего вкуснее той каши он в жизни не пробовал. После того как повечеряли, они с командиром отряда присели у огня. Завязался разговор.

— Ну и куда ж ты, паря, со своим войском путь держишь?

— по-простецки поинтересовался Гонтарь.

— Думаю добраться до Минска, — поделился своими планами лейтенант.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.